

СЕКЦИЯ

УДК 167/168

Шируков М.М.

студент 1 курса
магистратуры направления подготовки
«Философия»,

ФГБОУ ВО Кабардино-Балкарский ГАУ, г. Нальчик, Россия;
Дадашев А. А.;
доктор философских наук, профессор кафедры «История,
философия и право»
ФГБОУ ВО Кабардино-Балкарского ГАУ, г. Нальчик, Россия;

«РОЛЬ ВЕНСКОГО КРУЖКА В РАЗВИТИИ ПОЗИТИВИЗМА»

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу роли Венского кружка в развитии, радикализации и институционализации позитивистской философии в первой половине XX века. Авторы рассматривают исторические и интеллектуальные предпосылки формирования кружка, детально анализируют его ключевые доктрины — логический позитивизм, верификационизм, физикализм и программу единства науки. Особое внимание уделяется методологическим инновациям, предложенным участниками кружка, их антиметафизической направленности и попыткам создания универсального языка науки. В статье также исследуется внутренняя эволюция взглядов участников кружка, их полемика с современными философскими течениями, а также последующая критика и влияние на философию науки второй половины XX века. Делается вывод о том, что, несмотря на исторические ограничения, Венский кружок заложил фундаментальные основы современной аналитической философии и сформировал проблемное поле для последующих дискуссий о природе научного знания.

Ключевые слова: Венский кружок, логический позитивизм, верификационизм, антиметафизика, научная рациональность, унификация науки.

Shirukov M.M.

1st year master's student of the «Philosophy» program,
Kabardino-Balkarian State Agricultural University, Nalchik, Russia;

Dadashev A. A.;

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History,
Philosophy, and Law,
Kabardino-Balkarian State Agricultural University, Nalchik, Russia;

«THE ROLE OF THE VIENNA CIRCLE IN THE DEVELOPMENT OF POSITIVISM»

Annotation This article provides a comprehensive analysis of the role of the Vienna Circle in the development, radicalization, and institutionalization of positivist philosophy in the first half of the 20th century. The authors examine the historical and intellectual prerequisites for the formation of the Circle, analyze in detail its key doctrines—logical positivism, verificationism, physicalism, and the program for the unity of science. Special attention is paid to the methodological innovations proposed by the Circle's members, their anti-metaphysical orientation, and attempts to create a universal language of science. The article also explores the internal evolution of the Circle members' views, their polemics with contemporary philosophical movements, as well as subsequent criticism and influence on the philosophy of science in the second half of the 20th century. It is concluded that, despite historical limitations, the Vienna Circle laid the fundamental foundations of modern analytical philosophy and shaped the problem field for subsequent discussions about the nature of scientific knowledge.

Keywords: Vienna Circle, logical positivism, verificationism, anti-

metaphysics, scientific rationality, unification of science.

Формирование и интеллектуальный ландшафт философии науки XX века в значительной степени детерминирован деятельностью и теоретическими построениями Венского кружка — одного из наиболее влиятельных и одновременно дискуссионных интеллектуальных сообществ в истории современной мысли. Возникнув в специфическом историко-культурном контексте Вены 1920-х годов, кружок не просто продолжил традицию классического позитивизма Огюста Конта и эмпириокритицизма Эрнста Маха, но и предпринял его радикальную трансформацию, обогатив мощным аппаратом математической логики и поставив амбициозную задачу полного переустройства философского знания на строго научных основаниях.

Целью данной статьи является многоаспектный анализ вклада Венского кружка в развитие позитивистской философии. Для её достижения решаются следующие задачи: 1) реконструировать исторические и теоретические истоки формирования кружка; 2) детально проанализировать его центральные философские доктрины и их внутреннюю динамику; 3) раскрыть сущность методологических принципов, предложенных для демаркации науки и метафизики; 4) проследить эволюцию взглядов ключевых участников; 5) оценить характер критики, которой подверглась программа кружка, и его непосредственное влияние на последующую философию науки, вплоть до постпозитивистского поворота. Систематизация этих аспектов позволяет не только оценить историческое значение Венского кружка, но и понять, какие его идеи сохранили эвристическую ценность в современных эпистемологических дискуссиях.

Исторически Венский кружок сложился вокруг фигуры Морица Шлика, занявшего в 1922 году кафедру философии индуктивных наук в

Венском университете, которая ранее принадлежала Эрнсту Маху. Неформальные встречи в его семинаре постепенно институционализировались, объединив философов (Рудольф Карнап, Фридрих Вайсман), логиков (Курт Гёдель), математиков (Карл Менгер), социологов (Отто Нейрат) и естествоиспытателей (Герберт Фейгль, Филипп Франк). Эта междисциплинарность была не случайной, а отражала саму суть проекта: преодоление узкой специализации через поиск универсальных оснований научного знания. Идейными источниками кружка стали, с одной стороны, эмпирическая традиция (Д. Юм, Э. Мах), а с другой — революция в логике и основаниях математики, связанная с именами Г. Фреге, Б. Рассела и А. Н. Уайтхеда. Особую роль сыграла ранняя философия Людвиг Витгенштейна, чей «Логико-философский трактат» (1921) стал предметом детального обсуждения в кружке и оказал решающее влияние на формулировку принципа верификации, хотя сам Витгенштейн дистанцировался от движения.

Сердцевиной философской программы Венского кружка стал логический позитивизм (или логический эмпиризм). Его основная задача была сформулирована как «преодоление метафизики» через логический анализ языка. Метафизические утверждения о Боге, абсолютном духе, субстанции или трансцендентных сущностях объявлялись не просто ложными, а лишёнными познавательного значения (смысла). Критерием осмысленности выступил знаменитый принцип верификации. Согласно ему, предложение имеет научный смысл только в двух случаях: если оно является тавтологией (аналитическое утверждение логики или математики) или если оно может быть эмпирически проверено (синтетическое утверждение опытных наук). Всё, что не подпадает под эти критерии — этика, эстетика, традиционная философия — объявлялось областью эмоций, поэзии или идеологии, но не знания. Этот принцип стал жёстким демаркационным критерием, призванным

очистить науку от любых спекулятивных элементов.

Однако принцип верификации не был статичной догмой. Внутри кружка велись острые дискуссии о природе и статусе протокольных предложений — тех элементарных высказываний, которые фиксируют непосредственный чувственный опыт («Здесь теперь красное», «Стол твёрдый»). Возникали вопросы: являются ли они абсолютно достоверным и нейтральным фундаментом знания (позиция Шлика) или же они сами теоретически нагружены и могут пересматриваться (позиция Нейрата и Карнапа)? Эта дискуссия о «базисе науки» предвосхитила позднейшие споры о теоретической зависимости наблюдения в постпозитивизме.

Вторым столпом программы было единство науки. Эта идея, энергично продвигаемая Отто Нейратом и Рудольфом Карнапом, получила название физикализма. Согласно ей, все осмысленные высказывания любой науки — биологии, психологии, социологии — в принципе должны быть переводимы на язык физики, описывающий пространственно-временные события. Целью был не редукционизм в смысле упрощения, а создание унифицированного, intersubjectively shared языка, позволяющего согласовать результаты разных дисциплин и построить целостную научную картину мира. Проект «Международной энциклопедии унифицированной науки», издававшейся с 1938 года, стал практическим воплощением этой масштабной утопии.

Философия в этой системе координат кардинально меняла свою роль. Она переставала быть «царицей наук», источником сверхопытных истин. Её новой функцией становился логический анализ языка науки — прояснение понятий, устранение ambiguities (неоднозначностей), проверка логической корректности рассуждений. Философия превращалась в служанку науки, её методологическую и логическую гигиену. Эта установка заложила фундамент всей последующей аналитической традиции в философии.

Критический анализ показывает, что уже в период расцвета программа логических позитивистов столкнулась с серьёзными внутренними проблемами. 1. Проблема статуса самого принципа верификации: является ли он эмпирическим утверждением (тогда он должен быть верифицируем, что приводит к регрессу) или тавтологией (тогда его статус становится условным)? 2. Проблема общих законов: законы природы (например, закон всемирного тяготения) имеют универсальную форму («для всех х...») и не могут быть полностью верифицированы конечным числом наблюдений. 3. Проблема теоретической нагруженности наблюдения: выяснилось, что не существует «чистого» опыта, независимого от теоретических предпосылок наблюдателя. 4. Проблема редукции: программа физикалистской редукции таких областей, как психология сознания или социологические понятия, натолкнулась на непреодолимые концептуальные трудности.

Эти внутренние противоречия были усилены внешней критикой. Карл Поппер, хотя и разделял антиметафизический пафос кружка, уже в 1934 году в «Логике научного исследования» нанёс удар по верификационизму, предложив в качестве критерия демаркации не верифицируемость, а фальсифицируемость — принципиальную опровержимость теории. Более радикальную критику осуществили постпозитивисты. Томас Кун в «Структуре научных революций» (1962) показал, что наука развивается не путём кумулятивного накопления верифицированных истин, а через смену парадигм, где огромную роль играют социологические, психологические и исторические факторы, не сводимые к логике. Пол Фейерабенд, в прошлом ученик членов кружка, в работе «Против метода» (1975) довёл эту критику до крайности, заявив, что строгие методологические правила (в духе верификации) только тормозят науку, и провозгласив анархистский принцип «всё дозволено».

Несмотря на эту критику и исторический крах некоторых

утопических аспектов программы (например, проекта полной унификации наук), историческое и интеллектуальное влияние Венского кружка остается колоссальным. Во-первых, он легитимизировал и институционализировал философию науки как самостоятельную, строгую дисциплину с собственным проблемным полем. Во-вторых, он сформулировал ключевые проблемы XX века: проблему демаркации, природу научных законов и теорий, соотношение аналитического и синтетического, теорию и наблюдение. В-третьих, он заложил стандарты ясности, логической строгости и аргументации, которые стали отличительной чертой аналитической философии. Даже критики кружка, такие как Куайн, Селларс или тот же Кун, строили свои теории в постоянном диалоге — а чаще в полемике — с его наследием. Современные дискуссии о натурализме в эпистемологии, о статусе ментального, о связи науки и общества неявно отталкиваются от тех альтернатив, которые были столь чётко обозначены в Вене почти столетие назад.

Таким образом, Венский кружок выполнил роль мощного философского катализатора. Он радикализировал и модернизировал позитивистскую традицию, вооружив её инструментами современной логики и поставив перед философией задачу предельной самокритики и прояснения своих оснований. Хотя его первоначальная программа в её жёсткой формулировке не выдержала испытания временем и критикой, она создала тот интеллектуальный вакуум и то проблемное напряжение, которые стимулировали всё дальнейшее развитие философии науки. Отрицая метафизику, кружок невольно указал на её неустранимость в качестве горизонта вопроса о пределах научного разума. Борясь за чистоту научного языка, он продемонстрировал сложность и многомерность самого феномена научной рациональности. В этом парадоксальном наследии — и историческая ограниченность, и

непреходящая значимость Венского кружка как одной из вершин философской мысли модерна.

Список литературы

1. Аналитическая философия: Становление и развитие. Антология. М.: ДИК, 1998.
2. Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2021.
4. Дадашев А.А., Ашнокова Л.М. Философские проблемы науки. Нальчик: КБГАУ, 2024.
5. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: Иностранная литература, 1959.
6. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1993. № 5.
7. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009.
8. Нейрат О. Единство науки как задача // Логос. 2005. № 4.
9. Поппер К. Логика научного исследования. М.: Республика, 2004.
10. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М.: Республика, 2000.
11. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
12. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, 2007.
13. Шлик М. Поворот в философии // Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993.
14. Creath R. (Ed.) Dear Carnap, Dear Van: The Quine-Carnap Correspondence and Related Work. University of California Press, 1990.
15. Friedman M. Reconsidering Logical Positivism. Cambridge University Press, 1999.
16. Hempel C.G. Problems and Changes in the Empiricist Criterion of Meaning // Revue Internationale de Philosophie. 1950. Vol. 4, No. 11.
17. Richardson A., Uebel T. (Eds.) The Cambridge Companion to Logical Empiricism. Cambridge University Press, 2007.

18. Uebel T. Overcoming Logical Positivism from Within: The Emergence of Neurath's Naturalism in the Vienna Circle's Protocol Sentence Debate. Rodopi, 1992.